

А. В. Дружинин

Рассказ Алексея Дмитрича

Повесть

А. В. Дружинин. Повести. Дневник.
Серия "Литературные памятники"
Издание подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов
М., "Наука", 1986
[OCR Бычков М. Н.](#)

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

Истинно вредные, даже богопротивные мысли лезут человеку в голову, если человек этот, промотавшись дочиста, сидит один в тесной своей комнате, вечером, в ту пору, когда весь Петербург пляшет или слушает оперу. С задором и враждою смотрит бедный затворник и на общество и на все его законы да строит утопию за утопиею, то грязную, то тихую, по наклонности собственного своего характера. Строить утопии вещь чрезвычайно полезная: мало-помалу грустные мысли начинают улегаться, серая комнатка оживляется, грациозные образы начинают порхать перед мечтателем поневоле, затрогивают его, кокетничают с ним, советуют ему встречать огорчения насмешкою, переносить нужду с беззаботностью влюбленного мальчика.

За неимением лучшего можно еще иногда сидеть *одному* в своей комнате, но плохо человеку, которого судьба, позабыв наделить любовью к семейственности, поминутно сталкивает с особами, может быть и дорогими, но слабыми, несогласными и несносными. Не удастся бедному мечтателю и одному посидеть, не дадут ему строить утопий! откуда явится докучливое участие, откуда набредет куча патриархальных физиономий с вечно кислыми улыбками, с несносною, молчаливою моралью!

Тут-то наступает разгул грустным мечтам о гордом одиночестве, о бесполезности и бестолковости многих семейных отношений! Да, плохо иногда бывает промотавшемуся человеку.

Таким образом думал я, надевая шубу и отправляясь к приятелю моему Алексею Дмитричу, который обладал великим достоинством в приятеле, а именно почти всегда сидел дома. Почему он всегда сидел дома, это я сейчас объясню.

Алексей Дмитрич был человек военный -- правда, военный только по мундиру. Образ жизни его был несколько странен и слишком регулярен для военного человека. Он вставал обыкновенно в восемь часов утра, пил чай с неимоверною медленностью, отправлялся учить свою роту, учил ее с большою заботливостию и старанием и продолжал это занятие до тех пор, пока желудок его не начинал требовать пищи. Почувствовав аппетит, приятель мой тотчас же кончал свое дело, не стесняясь никакими обстоятельствами, и с быстротою урагана устремлялся домой, где обед был готов во всякую пору начиная с одиннадцати часов. Никто в мире не мог бы остановить Алексея Дмитрича, когда он шел обедать,-- догнать его можно было только на лошади.

После длинного обеда Алексей Дмитрич приказывал закрыть ставни, ложился спать и спал изумительно долго, потом шел гулять по улице. Если погода была ясная и дорога сухая, лицо его было спокойно; в противном случае гулянье действовало вредно на его нервы. Он угрюмо глядел на проходящих и пел себе под нос басовые итальянские арии, которые, как всем известно, отличаются свирепостью и тона, и содержания.

Потом он пил чай дома, и тут решалась участь остальной части дня. Если приходили к нему в это время приятели, он оставлял их у себя до поздней ночи, пел, спорил о театре, рассказывал скандальные анекдоты, и веселость его скоро оживляла всю компанию. Но Алексей Дмитрич принадлежал к тому небольшому разряду людей, которые по произволу могут быть веселыми и скучными; а такие люди, если глубже в них всматриваться, веселостью своею часто наводят на грустные размышления.

Собеседники Алексея Дмитрича не принадлежали к числу той молодежи, которая десятками торчит в цирках и прочих публичных собраниях, в опере громко назначает друг другу свидания у какой-нибудь апокрифической графини да удивляет смиренных людей крутоватостью своей груди и воинственностью осанки. У приятеля моего сходились по вечерам все люди худенькие, желчные и бледные, ленивые и капризные, иногда восторженные до ребячества, иногда насмешливые и полные